

ЕВРОПА VERSUS ЗАПАД

О книге В. К. Кантора

«Русская мысль, или Самостоянье человека». Философические эссе». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив 2020. 416 с. (Серия «Российские Пропилеи»)

Вера Владимировна Калмыкова

Кандидат филологических наук,
член Союза писателей г. Москвы, шеф-редактор журнала
«Философические письма: Русско-европейский диалог».
Российская Федерация, 105066, Москва,
ул. Старая Басманная, 21/4, каб. А-215.
E-mail: vkalmykova67@mail.ru

В. К. Кантор придерживается идеи о необходимости демифологизации русской культуры и возвращения ее явлениям их истинного смысла и значения. Подобная процедура способствует, как показано в новой книге, обретению русским носителем культуры и самой культурой в целом того качества, которое А. С. Пушкин назвал «самостояньем». В этом ключе ведутся рассуждения о творческом вкладе в отечественную историю и мысль таких «русских европейцев», как Петр I, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Ф. А. Степун и др.

Ключевые слова: демифологизация русской культуры, «самостоянье человека», русско-европейский диалог, русский европеец, Петр I, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, В. С. Соловьев, Ф. А. Степун.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-3-240-245

Владимир Кантор удивительно последователен: нынче, когда *лучшие умы* с калейдоскопической быстротой меняют свои воззрения, а концепции вытесняют одна другую молниеносно, так что не успеваешь заметить их различий, он в каждой книге продвигает любимую мысль о необходимости пересмотреть... нет, не историю России и русской культуры, в частности философской, как опять-таки часто предлагается. Вот что требует, с точки зрения Кантора, коренного изменения: наш привычный взгляд на эти величины. Мы должны расстаться с картиной мира, согласно которой Н. Г. Чернышевский — провозвестник революции, А. И. Герцен — бескорыстный борец за правое дело, Л. Н. Толстой — народный учитель, а Россия — родина слонов. Короче говоря, следует заняться

демифологизацией, причем чем скорее, тем лучше: интеллектуальный кризис, в котором сейчас пребываем мы все за редчайшим исключением, порожден искаженными смыслами или симулякрами смыслов, назойливо размножающимися, как мухи-дрозофилы.

Больной организм, хоть биологический, хоть социальный, парадоксально держится за свое нездоровье. Статус кво кажется ему лучшей ситуацией, чем некое гипотетическое исправление, чреватое неизвестностью; к тому же перемены требуют усилий, а усилия... трудны и хлопотны. Каждая книга Кантора — легкая инъекция ясности в нездоровое общественное тело; чем больше таких уколов, тем основательнее надежда, что однажды количество перейдет в качество.

Новая книга состоит из введения, в качестве которого опубликовано интервью автора греческому журналу «Степь», 15 глав и приложений — статей И. В. Кондакова, В. Н. Поруса, А. П. Козырева и других о творчестве В. К. Кантора. Его постоянные, из книги в книгу переходящие герои — Петр Первый, А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Ф. А. Степун — появляются и здесь. Как назвать его антигероя? Ну Герцен же это. Он скорее безлик. Это, наверное, некая тенденция к *недуманию*. Если использовать пушкинские слова, вынесенные в заглавие книги, — то, что противостоит *самостоянью*. Это могут быть устойчивые мыслительные клише, удобные, как все привычное, но давно отжившие; это может быть человеческая масса, подменяющая собой народ и в этом качестве ненавистная культуре — с глубоким взаимным чувством.

Меж тем в «Русской мысли...» возникает новая тема, которой, вероятно, предстоит оформиться в будущих книгах Кантора (хорошо бы она была подхвачена его учениками). Пока она еще не выражена, мелькает, мерещится, всплывает тут и там. Тема эта чрезвычайно продуктивная, современна и — своевременна. Обозначить ее можно примерно так: Европа, во всяком случае та, в которую прорубал окно царь Петр, не есть реальный исторический Запад; Европа не равна себе, Европа мысли и Европа «гражданского общества» не тождественны, их нужно различать и более того — понимать, что они антагонистичны.

Собственно, об этом говорится уже *в первых строках*, в интервью греческому журналу «Степь». Отвечая на вопрос журналиста Дмитрия Триантафиллидиса «Продолжается ли сегодня противостояние между славянофилами и западниками в русской философской мысли и в какой форме?», Кантор, по сути, переакцентирует саму постановку проблемы: дело не в славянофильстве (которое сегодня, по правде говоря, зачастую граничит с конспирологией), а в том, что сегодня для мыслящего человека западником быть невозможно: «...неприятие западной политики большинством образованных людей толкает их к славянофильству. <...> ...отношение сегодняшнего Запада к России не выжидательное и вопросительное, как в XIX веке, а скорее неприязненное. Запад, думая, что

своими санкциями борется с русским правительством, на самом деле бьет по всей России» (с. 10).

Заметим: *Запада, а не Европы*. Было бы странно слышать от Кантора, вернувшего в отечественную интеллектуальную культуру выражение «русский европеец», хулу в адрес Европы, даже если она обусловлена актуальной политической ситуацией. Европа для него остается средоточием всего ценного, что определяет «самостоянье человека», и Россия как страна образованных людей, безусловно, европейская держава. Но если оторвать взор от созерцания умственных красот и взглянуть на наличную реальность, что мы увидим? Торжество мещанского идеала, отменяющего и умственность как ядро «профессорской культуры», и народ как множество личностей.

А ведь эту тенденцию в европейском жизненном порядке замечали уже в XIX в. В главе VIII «Фрейд versus Достоевский» Кантор подробно описывает и анализирует восприятие русского писателя австрийским психоаналитиком, желавшим найти в романах писателя, чрезвычайно быстро ставшего классиком, некий эликсир, способный оживить дряхлеющую цивилизацию Европы. «...Достоевский поражал западноевропейцев вырванностью своих героев из нормального быта, из почвы, что резко контрастировало с уютом западноевропейской — репрессивной по отношению к страстям и инстинктам — культуры, которую вполне можно назвать викторианской и против которой бунтовали “проклятые поэты”, Оскар Уайльд, Фридрих Ницше, весь символизм конца прошлого века, да в конечном счете и сам Фрейд, ставший искать основы человеческого бытия в бессознательном, в подавляемых сексуальных инстинктах, т. е. на том этаже человеческой психики, которая не контролируется разумом. Это вполне протестное поведение неожиданно было — как почудилось тогда — поддержано великим гением с северо-востока Европы, где Европа и Азия вроде бы нечувствительно перетекают друг в друга, гением, для которого все то, что они придумывали, было как будто повседневной реальностью. Именно повседневной реальностью, а безбытность — нормой и бытом» (с. 148). Верующий Достоевский, истолкованный Фрейдом-атеистом, — это писатель, выявляющий основную черту национального характера — способность пойти на сделку с совестью. Исторической практикой подобный пассаж далеко не подтверждается, и Кантор говорит об этом. Но главное в другом: «Желание найти в России некую тайну принадлежит тем западноевропейцам, которым собственная история представляется скучной и которые желают вырваться из своего кажущегося размеренным и однообразным быта, а потому и пребывают в романтически-байронических поисках сильных и необычных страстей. Думается, в этом контексте лежит и некоторая неадекватность фрейдовской оценки творчества Достоевского» (с. 155).

Мыслящая Европа, Европа высокого духа и смелых идей, питала тех, кто может быть назван русскими европейцами. Европа реальная, ареал распростране-

ния массового человека, стремилась и стремится, за редким исключением, пригасить пыл собственных лучших граждан, чтобы фонтан идей, если воспользоваться словами из известной пьесы, *не бил, а струился*, а лучше — незаметно иссяк бы. Кантор пишет в главе IX «Мережковский, или Актуализация религиозно-философских смыслов европейской культуры» об очередном своем герое, что тот был принят в эмиграции как *лидер русской культуры*. Надо понимать, что таковым Д. С. Мережковский мог стать только потому, что высаживал на отечественной почве семена европейского гуманизма — даже в парадоксальной ситуации изгнанников и эмигрантов, которые свою Россию продолжали в Чехии, Германии или во Франции.

Мережковский, как известно, не верил в сотериологический миф о мужике Марее; но параллельно он прекрасно видел омещанивание Запада, распознавая в этом процессе грядущую катастрофу. Если Марей, не оправдав надежд Достоевского, стал энергией большевистской революции, то мещанин породил Гитлера. Эти два процесса осуществлялись синхронно. Кантор постоянно исподволь подводит читателя к выводу, что нагрывший хам ничем не хуже (хотя, конечно, и не лучше) торжествующего обывателя, требующего, чтобы в мире ему было комфортно, комфортнее, еще более комфортно о-бывать. Когда один из героев Достоевского требует, чтобы *чаю ему всегда пить*, он выражает главную мечту и алчную потребность мещанина.

Помимо *магистрального сюжета*, в книге присутствует множество боковых, останавливающих внимание. Например, изящная зарисовка из истории идей в той же главе о Мережковском: «Мережковский не уставал всю жизнь проповедовать идею Третьего Завета, актуализируя идею Иоахима Флорского. <...> Окончательная форма существования христианства в истории есть диалектическое отрицание старых форм, которое дает новый синтез — Третий Завет, Откровение Духа. Именно эта доктрина стала “визитной карточкой” Мережковского, в истории русской философии он известен по преимуществу как пророк Третьего Завета. Но именно Второе Возрождение, которое, на его взгляд, пробуждается в христианстве прежде всего русской литературой, становится основой Третьего Завета. Историсофия Мережковского пропитана эсхатологичностью, ожиданием окончательного Откровения. <...> Благодаря Мережковскому идея Третьего Завета дожила почти до наших дней и сказала в пред- и пореволюционной Германии и России. <...> Интересно, что под влиянием Мережковского идея Третьего Завета перебралась и в Германию, породив там целое течение в среде мыслителей, создателей “консервативной революции”, дав в результате название гитлеровскому государству — Третий рейх» (с. 165–167). Этот очерк (разумеется, в книге он длиннее и изобилует цитатами) — наглядная иллюстрация процесса интеллектуального обмена между Россией и Европой, взаимопереливания крови, вне которого никакая интеграция неосуществима и более того — бессмысленна.

На те или иные размышления Достоевского Кантор опирается постоянно. Так, в главе «“Вехи” в контексте, или Интеллигенция как трагический элемент русской истории» он пишет, анализируя Пушкинскую речь Достоевского как продолжение художественной идеи романа «Подросток», что у писателя «...речь шла... о возникновении культурного типа России, тип этот возник в дворянстве прежде всего в результате некоего духовного усилия по переработке культурных смыслов мировой, в основном европейской цивилизации. Этот тип и представлял Россию в мире. Беда и историческая трагедия была в том, что наработанные им смыслы были отринуты, а их носители изгнаны из страны, так что смыслы эти ушли из русской жизни. Но вот они вернулись, во многом определяя не политику, не социальную жизнь, а то, что они и должны определять, — нашу духовную жизнь» (с. 192).

Взаимодействие личности и массы, еще одна из тем, поднятых в «Русской мысли...», в книге Кантора подается с совершенно нетривиальной для светских мыслителей позиции. Предельное, идеальное воплощение личности для него — Иисус Христос. Соответственно, отношение к Христу и христианству становится для автора некоторым водоразделом, проходящим между мышлением предвзятым и пропущенным через горнило совести, так рьяно отстаиваемой в качестве краеугольного камня нравственности, как мы видели выше, не кем иным как Фрейдом. Христианский нравственный идеал как явление светской культуры Кантор анализирует, сравнивая концепции В. С. Соловьева и Ф. Ницше. Естественным образом из отрицания христианских ценностей вытекает возникновение не только мещанина, но и «бесполезного человека» — а от него уже кратчайший путь к торжеству тоталитаризма. Не ставя задачей анализировать историю, теорию и практику русского религиозного возрождения, Кантор периодически касается отдельных его аспектов, и для него очевидно, что дегуманизация по Ортеге-и-Гассету и дехристианизация по, например, Ницше или Фрейду — не два различных, а один и тот же процесс.

Русский европеизм, таким образом, вбирает в себя и идею необходимости веры — ведь учение Христа есть краеугольная *европейская* ценность. Лаевский у А. П. Чехова, поняв, что *никто не знает настоящей правды* о правильном устройстве мира, додумывается еще до одной мысли, и она чрезвычайно далека от бескровных плюрализма и толерантности, ведущих сначала к борьбе за стирание естественных границ между добром и злом, правым и левым, верхом и низом, а затем и к нивелированию личности, ее (у)ничтожению.

Осмысление Россией Европы полезно не только России: увидев в чужих глазах свое отражение, Запад может найти в нем отправную точку для дальнейшего пути. Этот вывод делали многие русские философы, и Кантор лишь проверил ее на историческом материале. Верификация состоялась.

EUROPE VERSUS WEST

(About the book by Vladimir Kantor “Russian thought,
or the self-Standing of man. Philosophical essays”,
Moscow; Saint Petersburg: Center for humanitarian initiatives 2020
(Series “Russian Propylaea”))

Vera Kalmykova

Candidate of Philologic al Sciences,
member of the Union of Writers in Moscow, chief editor
of the journal “Philosophical Letters: Russian and European Dialogue”.

21/4 Staraya Basmannaya Street,
office A-215, Moscow, 105066, Russian Federation.

E-mail: vkalmykova67@mail.ru

V. K. Kantor adheres to the idea of need to demythologize Russian culture and return true meaning and significance to its phenomena. Such a procedure (as it shown in a new book) promotes the acquisition of that quality A. S. Pushkin called “self-Standing” (samostoyanie) of Russian bearer of culture and the culture in general. In this vein the discussions are underway about a creative input of the following “Russian Europeans” as Peter I, A. S. Pushkin, P. Ya. Chaadaev, F. M. Dostoevsky, V. S. Solovyov, F. A. Stepun and others to Russian native history and thought.

Keywords: demythologization of Russian culture, “self-Standing” (samostoyanie), Russian-European dialogue, European Russian, Peter I, A. S. Pushkin, P. Ya. Chaadaev, V. S. Soloviev, F. A. Stepun.